

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления. *Дискуссия*

Императорское Православное Палестинское общество: XIX–XX–XXI вв.

Фабричная инспекция в России. 1882–1904 гг.

Государственная дума России и реформирование Министерства иностранных дел

Правомонархическое движение в Поволжье в 1905–1917 гг.

Черная сотня в саратовской деревне

Восприятие русских революций 1917 г. в США

Эвакуация голодающих детей советской России в Чехословакию. 1921 г.

Социальный и партийный состав центрального аппарата ОГПУ в 1920-е гг.

Взаимовосприятие американцев и русских в годы первой пятилетки

Меньшевики в эмиграции после Второй мировой войны

Исторические портреты

М.В. Бернацкий – министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля

январь
февраль

2007 *

1

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ В РОССИИ (1882–1904 гг.)

Исследователя истории возникшей в 1880-е гг. фабричной инспекции не может не привлечь пестрота суждений, высказывавшихся выдающимися деятелями той эпохи как за, так и против этого института. Почему и академики И.И. Янжул и В.П. Безобразов, и государственные деятели С.Ю. Витте и В.Н. Коковцов, и леворадикальные политики В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий считали необходимым высказать свое мнение о судьбе инспекции? Думается, причина такого интереса кроется в том, что на рубеже XIX–XX вв., когда конфликт труда и капитала все настойчивее заявлял о себе, фабричная инспекция, словно зеркало, отражала эволюцию одного из важнейших направлений общегосударственной политики.

Неудивительно, что эта тема оказалась на перекрестье важных направлений отечественной историографии. Исследования места «рабочего вопроса» во внутренней политике самодержавия и труды по истории пролетарского движения и фабрично-заводского законодательства включали в себя и материалы о фабричной инспекции, хотя монографических работ на эту тему до сих пор нет. Первые знаменитые отчеты фабричных инспекторов И.И. Янжула, П.А. Пескова, Я.Т. Михайловского следует отнести к предыстории изучения сложной проблемы взаимоотношений государства (в лице инспектора) с предпринимателями и рабочими¹. Корни длительной дискуссии о задачах российского фабричного инспектора и его роли на фабрике также уходят ко времени создания этого института, а первая деловая критика фабричного законодательства и фабричной инспекции прозвучала еще на страницах книги В.П. Безобразова².

Особым периодом в осмыслении первых итогов развития фабричной инспекции стали 1900-е гг., когда вышли в свет исторические исследования и воспоминания ведущих деятелей инспектората – А.Н. Быкова (Ф. Павлова), В.Е. Варзара, Е.М. Дементьева, А.К. Клепикова (С. Гвоздева), В.П. Литвинова-Фалинского, А.А. Микулина, В.В. Святловского, Янжула³. Одновременно публиковались полемические статьи о путях развития фабричной инспекции в России Г. Балицкого, Ленина, М.Г. Лунца⁴. В советской историографии важность изучения истории фабричной инспекции признавалась, в частности, А.М. Панкратовой. В ее семинарах проводились исследования делопроизводства инспектората и анализ отдельных эпизодов его истории. Из семинара Панкратовой вышел А.Ф. Вовчик, изучавший инспекцию в контексте антирабочей политики царского правительства⁴. В советской историографии сразу же наметилось и направление, связанное с изучением инспекции в рамках проблемы охраны труда (С.И. Каплун⁶). В середине XX в. доминировал историко-правовой подход к исследованию развития трудового договора и надзора за его соблюдением (яркий пример – труды И.И. Шельмагина⁷). В.Я. Лаверычев уделил особое внимание правительственной политике по рабочему вопросу, в рамках которой рассматривалась и роль фабричной инспекции, но строго в рамках концепции патернализма⁸. Л.Е. Шепелев отмечал значение инспектората в торгово-промышленной политике царизма⁹.

Труды зарубежных ученых по истории российского фабричного законодательства и фабричной инспекции отличало присутствие в них компаративной перспективы. Работы Т. Фон Лауэ, увидевшего в фабричной инспекции важный рычаг виттевской индустриализации, Ф. Джиффина, прояснившего значение инспектората для капиталистической России, и Й. Путткамера, выявившего преемственность и взаимосвязь в фабрично-заводском законодательстве различных министров финансов вплоть до 1905 г.¹⁰, серьезно обогатили историографию вопроса.

* Володин Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01388а.

Современное исследовательское направление, известное как «новая рабочая история», получило импульс к развитию в последние десятилетия XX в. Важными составляющими подхода историков и социологов, разделявших идеи этого направления, к интересующей нас проблеме стал анализ реалий взаимодействия различных сторон трудового процесса в исторической ретроспективе. Так, во главу угла исследователи поставили не столько законодательство и институты, сколько взаимодействие людей. Особую важность приобрели для них «ситуации напряженности», например, различные формы трудовых конфликтов¹¹.

В истории отечественной фабричной инспекции можно выделить 4 крупных периода. Период становления фабричной инспекции (1882–1893 гг.) был временем, когда фабричные инспекторы входили в курс дела, набирались опыта, обзаводились канцеляриями. Период реформирования инспектората (1894–1904 гг.) связан с деятельностью С.Ю. Витте по расширению территорий надзора инспекторов и их задач. Период 1905–1913 гг. охватывает время от начала Первой русской революции до Первой мировой войны и характеризуется дальнейшим территориальным распространением надзора инспекции, перешедшей в состав Министерства торговли и промышленности, усилением контроля за исполнением законодательства и вместе с тем усилением давления местных властей на инспекцию. Заключительный период истории инспекции (1914–1918 гг.) связан с участием инспекторов в технической поддержке мобилизации отечественной промышленности в условиях войны, а в 1918 г. инспекторская должность была упразднена в связи с созданием государственной инспекции труда¹².

Во многих губерниях фабричный инспектор становился деятельным участником общественной жизни, а по долгу службы надзирал не только за соблюдением трудового законодательства и сбором статистических сведений, но и за техническим состоянием промышленности. И тем не менее споры о пользе и недостатках отечественного инспектората не утихали. Некоторым казалось, что инспекция – лишь ширма, прикрывающая нерешенность в России рабочего вопроса. В.О. Ключевский в дневнике записал, что с 1801 г. в России существовали 2 параллельных интереса: «постройка европейского госуд[арственного] фасада и самоохрана династии»¹³. Какую же роль сыграла инспекция в модернизации России? Способствовала ли она установлению более цивилизованных отношений между трудом и капиталом? Можно ли так охарактеризовать и роль инспекции в истории рабочего вопроса? На эти вопросы и призвана дать ответ настоящая статья.

«Наши рабочие дождались своего 19 Февраля»¹⁴

В 1882 г. принятием закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» в России началась фабричная реформа. Последующая череда законов 1884, 1885 и особенно 1886 гг. коренным образом изменила ситуацию с государственным вмешательством в отношения рабочих и предпринимателей. Сотни тысяч пролетариев становились теперь участниками договора, в котором хозяева фабрик и заводов выступали как наниматели, а рабочие были исполнителями, причем каждый имел свои права и обязанности, фиксируемые отныне в письменном виде¹⁵.

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 1 июня 1882 г. известно не только потому, что в нем впервые вводились ограничения на работу малолетних¹⁶, но и потому, что для реализации этого закона создавался специальный орган надзора – фабричная инспекция. Ее штат включал должности главного фабричного инспектора и четырех окружных инспекторов. Как позднее отмечал М.И. Туган-Барановский, «закон 1882 г. имел огромное принципиальное значение... Несмотря на противодействие московских фабрикантов, правительство сделало первый шаг в области ограждения интересов рабочих. Фабричный инспектор – эта новая фигура на фабрике – должен был внести новые начала в отношения хозяев к рабочим»¹⁷. Первоначально цель деятельности инспектората мыслилась как контроль за соблюдением законов, поскольку, по опыту Западной Европы, без такого контроля трудовое законодательство

было обречено оставаться мертвой буквой. В 1834 г. в Великобритании возникла первая фабричная инспекция, которая стала образцом соединения закона и опыта его практического применения для многих европейских стран. В дальнейшем аналогичные институты были созданы в землях Германии, в Дании, Франции, Швейцарии, России и Австро-Венгрии, играя роль «предохранительного клапана на кипящем котле рабочего движения»¹⁸.

Английская фабричная инспекция, известная в России с начала 1880-х гг. благодаря исследованиям Янжула, зародилась в сложные для промышленности Великобритании времена. После неудачных актов законодательства начала XIX в. в 1830-х гг. здесь поняли необходимость постоянного органа для разрешения конфликтов рабочих и предпринимателей. Набирало силу движение за 10-часовой рабочий день. Принятый в 1833 г. фабричный закон (*Althorp's Factory Act*) вводил независимый надзор за соблюдением его собственных положений. Инспектор имел право в любое время суток прибыть на фабрику для ознакомления с положением рабочих, проверки документов и работы производств. Подобный карт-бланш вкупе с высоким окладом и должен был обеспечить независимость каждого инспектора. При этом в Великобритании, в отличие от России, существовали и другие формы контроля за взаимоотношениями рабочих и предпринимателей (тред-юнионы и примирительные камеры).

В России же освобождение крестьян, заменившее на фабриках подневольный труд вольнонаемным, пустило в обращение значительные капиталы от выкупных платежей, которые нашли себе выгодное применение прежде всего в промышленности и торговле. Живая рабочая сила значительно поднялась в цене, отношения предпринимателей и рабочих существенно усложнились, что требовало скорейших перемен и в законоположениях.

Впрочем, в первые годы существования здесь фабричной инспекции ее чины не могли в полной мере приступить к исполнению своих обязанностей. Вступление в силу закона 1882 г. было отложено сначала на год, а затем и еще на год – до 1 мая 1884 г. Но жизнь остановить было нельзя. 7 января 1885 г. началась знаменитая стачка на фабриках «Товарищества Никольской мануфактуры». При этом выяснилось, что только что принятый закон уже не отвечает реалиям времени, а обсуждаемые в департаментах проекты явно запаздывают. В начале 1886 г. одновременно с заседаниями суда по делу зачинщиков Морозовской стачки в Соединенных департаментах Государственного совета приступили к рассмотрению сразу двух представлений по рабочему вопросу: первое – министра внутренних дел от 14 мая 1885 г. «По проекту правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и об отношении хозяев к работающим на них людям», а второе – министра финансов «Об увеличении числа членов фабричной инспекции». При их обсуждении отмечалось, что ситуация в промышленности свидетельствует о необходимости скорейшего наведения порядка во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей и ликвидации причин, вызывающих стачки и проникновение в рабочую среду «преступных учений»¹⁹.

В итоге 19 мая Госсовет одобрил, а уже 3 июня 1886 г. император утвердил новый закон «О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих»²⁰. Его значение трудно переоценить. Окружной фабричный инспектор и технолог А.А. Микулин писал в 1906 г., что закон 1886 г. – «краеугольный камень ныне действующего законодательства»²¹. Его коллега Литвинов-Фалинский – сначала фабричный инспектор, а впоследствии глава отдела промышленности Министерства торговли и промышленности – указывал на то, что именно законом 1886 г. в основу взаимоотношений рабочих и предпринимателей «были положены начала договорного права со многими, однако, изъятиями, исключаящими равенство договаривающихся сторон»²². С.И. Каплун, историк и деятель в области охраны труда, уже годы спустя утверждал, что этот закон вводит в фабричную жизнь «некоторую "конституцию", известные строго определенные правовые взаимоотношения между предпринимателями и рабочими, которые обязательны для обеих сторон под угрозой кары»²³.

По закону 1886 г., взаимные отношения предпринимателей и рабочих из патриархально-попечительских должны были превратиться в деловые, основанные на свободе трудового договора. Фабрикант должен был заключить письменный договор с рабочим в форме расчетной книжки установленного образца, утвержденного местным фабричным присутствием. В расчетной книжке следовало указывать срок найма, установленный размер заработной платы, стоимость проживания в фабричных казармах, записывать все данные о заработках и взысканиях, налагаемых на рабочих. Фабричная администрация обязывалась предоставлять фабричному инспектору сведения о расценках работ, которые после утверждения вывешивались на фабрике для сведения рабочих. Воспрещалось понижать заработную плату, менять число рабочих дней в неделю и количество рабочих часов, правила срочной работы прежде окончания срока договоров или без предупреждения за 2 недели для рабочих, нанятых на неопределенный срок. Хозяева лишались права расплачиваться с рабочими вместо денег хлебом, харчами, товарами и купонами. Выдача заработной платы рабочим назначалась не реже 1–2 раз в месяц, причем из зарплаты нельзя было удерживать долги и производить неуставленные вычеты. Хозяин предприятия имел право налагать взыскания на рабочих, но исключительно дисциплинарного характера, которые не должны были служить возмещением убытков.

Идея введения надзора за фабричным законодательством вызвала в обществе противоречивые отклики. Если сторонники реформы, подобно московскому прокурору П.Н. Обнинскому, приветствовали «19 февраля» для рабочих, противники выступали с резкой критикой инспекции и инспекторов. Среди последних громче всего звучали голоса московских фабрикантов, поскольку на их предприятиях повсеместно и постоянно использовался женский и детский труд (интересно, что фабриканты Петербурга встретили новые узаконения весьма приветливо). Борьбу вокруг инспекции начали между собой и министерства – внутренних дел и финансов. Особую надежду предприниматели возлагали на поддержку нового министра финансов И.А. Вышнеградского. Так, Т.С. Морозов писал: «Фабричная инспекция с самого начала своей деятельности усвоила себе совершенно неправильный взгляд на фабричные отношения и вступила на ложный путь ничем не оправдываемого вмешательства в такие внутренние стороны фабричного производства и фабричной жизни, которые лежат за пределами ее власти»²⁴.

Известно, что в отечественной историографии законы 1880-х гг. часто оценивались как пример реализации политики патернализма, т.е. мнимой заботы о нуждах трудящихся, особой формы осуществления власти капиталиста над наемными рабочими. Однако необходимо учитывать сложность понятия «патернализм». Многие предприниматели придерживались мнения, что права рабочих, по новым законам, слишком велики. Напротив, многим зарождающееся в России трудовое право казалось излишне «равноправным». Они указывали, что свобода трудового договора, когда рабочие и предприниматель признавались равными сторонами, на деле означала преимущество предпринимателя, поскольку рабочие часто просто не имели никакой возможности сменить место работы. Получалось, что попечительной заботы со стороны власти ожидали обе стороны. Интересно, что Витте называл идею о либеральном и патерналистском характере инспекции «легендой», которую распространяли сами фабриканты. «Фабричная инспекция как прежде, так и в настоящее время, – отмечает он, – относилась и относится к интересам рабочих и фабрикантов вполне объективно и только в надлежащих случаях поддерживает рабочих от несправедливой эксплуатации их труда некоторыми фабрикантами и капиталистами»²⁵.

Существенные изменения в функциях и сфере деятельности фабричной инспекции произошли уже в 1894 г. Законом 14 марта «О преобразовании учреждений фабричной инспекции и губернских механиков» применение «Особых правил о надзоре» 1886 г. было распространено уже на 18 губерний²⁶. Самым же важным изменением стало значительное увеличение числа фабричных инспекторов. Общий штат фабричных инспекторов составил: 18 старших инспекторов (по числу губерний), 125 фабричных инспекторов, 10 кандидатов (новая должность, предполагавшая практическую предвари-

тельную подготовку к исполнению должности инспектора), а также 10 делопроизводителей при старших фабричных инспекторах.

Столь значительное увеличение штатов инспектората ставило вопросы о его финансировании и подготовке кадров. Законом 1894 г. упразднялась должность губернских механиков, все обязанности которых были возложены теперь на инспекцию. Дело в том, что в России было больше готовых к работе в фабричной инспекции техников, чем врачей или педагогов. В законе устанавливался временный 3-годичный (но благополучно существовавший и в дальнейшем) сбор с паровых котлов, наблюдение за которым было возложено на фабричную инспекцию. Таким образом, изменения, с одной стороны, усилили надзор, расширив штат инспектората, и распространили географию действия закона 1886 г., однако характер деятельности фабричной инспекции изменился, став преимущественно техническим, причем отвлечение сил фабричных инспекторов от надзора за взаимоотношениями рабочих и предпринимателей негативно сказывалось на результатах деятельности инспекции.

На этом реорганизация фабричной инспекции не закончилась. С развитием фабричного законодательства и распространением действия инспекторского надзора на всю Европейскую Россию стала осознаваться потребность в особом центральном правительственном органе для издания правил и инструкций, дополняющих действующее законодательство. Таким органом стало учрежденное 7 июня 1899 г. Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие. В целях объединения многочисленных чинов фабричной инспекции была создана новая окружная структура в виде 6 фабричных округов, включавших все губернии, поднадзорные инспекции. В каждой губернии назначался старший фабричный инспектор, а общий штат инспектората увеличивался на 80 единиц (одного старшего и 79 фабричных инспекторов). Однако новая структура делала фабричную инспекцию относительно автономной организацией, что не позволяло власти влиять на нее «в правильном направлении» и явно не устраивало многих. Еще в марте 1902 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин сделал обширный доклад на основании материалов поездки по Ярославской, Костромской, Владимирской и Нижегородской губерниям товарища министра П.Д. Святополк-Мирского. Решение по докладу говорило «о желательности деятельного вмешательства правительственной власти в дело упорядочения быта рабочего населения и сосредоточения в руках ее всех, по возможности, нитей, управляющих жизненными интересами этих слоев населения». Одним из вариантов решения этой задачи можно было считать уже не раз обсуждавшееся предложение о передаче фабричной инспекции в ведение МВД. Однако принято было решение о сохранении фабричной инспекции в структуре Министерства финансов «при более наглядном ее подчинении руководству губернаторов»²⁷. Центральная мысль Сипягина, которую он защищал в специально созданной комиссии, заключалась в обязательности для фабричных инспекторов распоряжений губернаторов, с чем не соглашался, однако, Министерство финансов.

Убийство Сипягина не позволило ему завершить начатое, но уже в самом начале 1903 г. его инициатива была подхвачена В.К. Плеве²⁸. По Высочайшему повелению 30 мая 1903 г. вплоть до дальнейших распоряжений фабричная инспекция временно должна была состоять в ведении министра финансов, но местным чинам инспекции предстояло действовать под руководством губернаторов²⁹. По словам Микулина, «с фактическим превращением окружных инспекторов в ревизоров, возможность действительного объединения действий инспекторов в смежных губерниях оказалась упраздненной. Нельзя не прийти к заключению, что нахождение фабричной инспекции в ведомстве Министерства финансов с этих пор стало совершенно фиктивным, а инспектора оказались принужденными исполнять требования губернаторов, рискуя в случае неповиновения быть в лучшем случае переведенными в другую губернию»³⁰. После этого Плеве решил пойти еще дальше. Он обратился к В.Н. Кокковцову с просьбой вообще передать фабричную инспекцию в ведение МВД. Кокковцов писал позже в своих воспоминаниях, что он не мог «согласиться на передачу инспекции в руки жан-

дармов», так как мера эта имела бы, по его мнению, «самые губительные последствия для всей нашей промышленности»³¹.

В итоге Коковцов с Плеве порвали личные отношения. Но поскольку Плеве мотивировал свое предложение согласием императора, Коковцов незамедлительно обратился к последнему с запиской, где излагал свои доводы против перевода инспекции в подчинение МВД³². В 1905 г. с созданием министерства торговли и промышленности фабричная инспекция вошла в его структуру, что, безусловно, усилило эффективность ее работы.

Повседневная деятельность и посредничество в отношениях между рабочими и предпринимателями

Среди повседневных дел фабричного инспектора можно выделить, прежде всего, надзор за фабриками и заводами вверенного ему участка. Во время разъездов по предприятиям инспектор также собирал у фабричных администраций различные статистические сведения, часто проводил разбирательства по спорам и взаимным претензиям рабочих и предпринимателей, решая вопрос иногда прямо в инспекторской канцелярии, а иногда выезжая на место конфликта. Помимо всего прочего, инспектор призван был вести достаточно сложное и разнородное делопроизводство, включавшее регистрацию и визирование фабричных документов (от табелей расценок до объявлений), переписку по правовым и техническим вопросам с администрациями фабрик и данные местной фабрично-заводской статистики. Основное время инспектор проводил в разъездах, но всегда должен был возвращаться в канцелярию в постоянные часы приема. В приемные часы там было всегда многолюдно: приходили и управляющие фабриками – утверждать разные документы, и рабочие – подавать жалобы и просьбы.

Фабричный инспектор, вступивший в должность, первым делом должен был оповестить об этом все входящие в его участок промышленные заведения. Вступив в переписку с администрацией предприятий, он начинал готовиться к выезду участка. Сшив уставной двубортный мундир темно-зеленого сукна с особыми позолоченными пуговицами со знаком фабричной инспекции – шестерней с накрест положенными на нее молотом и гаечным ключом и с паровым регулятором посредине, увенчанным небольшим двуглавым орлом, инспектор оформлял открытый лист – бумагу с изображением герба губернии и надписью «Фабричный инспектор такой-то губернии» и после этого мог отправляться в путь. По предъявлению выданного из Департамента торговли и мануфактур открытого листа он имел право беспрепятственного входа в любое время дня и ночи во все отделения промышленного заведения за исключением квартир, занятых управляющими фабрикой, равно как и во все квартиры, больницы, детские приюты, ясли, школы, бани или лавки для рабочих. Таким образом, открытый лист имел обязательную силу как для привратников промышленных заведений, так и для всех руководящих фабрикой лиц (в том числе мастеров, подмастерьев и др.). По приезде на фабрику фабричный инспектор был обязан удостовериться, в какой мере исполняются там закон и изданные в его развитие постановления. При этом он имел право требовать от управляющих устных или письменных объяснений, а также любые необходимые книги, документы, сведения или доказательства. Для проверки исполнения законов инспектор мог опрашивать служащих и рабочих, в том числе и наедине. Однако соответствующие разъяснения владельцу или управляющему в связи с допущенными нарушениями он мог делать «не иначе, как в отсутствие рабочих». Приехав на фабрику или завод, инспектор первым делом проверял правильность хода часов, по которым определялись начало и окончание работ. При осмотре промышленного предприятия фабричные инспектора обычно обращались за содействием не только к владельцам и управляющим, но и к администрации, мастерам, смотрителям. Если же инспектора не пускали на двор или препятствовали осмотру, он составлял специальный протокол и обращался в полицию³³. Особым документом, в котором фиксировалась его деятельность, был путевой журнал, куда заносились результаты осмотра каждого промышлен-

ленного заведения и замечания. В каждой фабричной канцелярии должна была храниться специальная книга, где фиксировались инспекторские разъяснения относительно надлежащего исполнения закона и адресованные владельцу заведения советы и указания. Эту книгу предъявляли по первому требованию и называли «шнуровый». Такая книга могла представлять собой обыкновенную переплетенную тетрадь с пронумерованными страницами и наложенной на шнур инспекторской печатью³⁴.

Поначалу территория надзора из-за своего размера и сложностей на путях сообщений реальному надзору не поддавалась. Так, по данным Михайловского, наибольший из австрийских районов был меньше Виленского округа в 2 раза, Владимирского – в 5 раз, Воронежского – в 6, а на территории Петербургского округа без труда поместились бы 3 Австрии³⁵. Такие просторы и приходилось осваивать инспекторам, иногда с большим трудом выискивая нужную фабрику среди бездорожья и часто даже без карт.

А.А. Микулин, служивший помощником инспектора во Владимирской губ., сделал интересное наблюдение о типах предпринимателей того времени. К первому он отнес владельцев крупных и средних предприятий, которые старались исполнить все требования инспекции. Второй тип включал главным образом мелких и отчасти средних предпринимателей, которые были не в состоянии самостоятельно разобраться с требованиями закона и всегда приходили к инспектору с пустыми руками и вопросом: «Что прикажете?» Некоторые из них, получив подробные разъяснения и, например, образец правил внутреннего распорядка, возвращались с просьбой утвердить документ, даже не заполнив необходимые пустые места. К третьему же типу Микулин относил большинство фабрикантов, которые доставляли инспектору больше всего хлопот – это были средние и крупные промышленники, которые враждебно отнеслись к инспекции³⁶.

Помимо надзора за исполнением постановлений о работе малолетних, подростков и женщин, инспекторы рассматривали и утверждали правила внутреннего распорядка, расписания, харчевые таксы, табели взысканий, расценки заработной платы и даже объявления. Главным же делом инспекторов, по мнению Михайловского, стало «принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими путем расследования на месте возникающих неудовольствий и миролюбивое соглашение сторон»³⁷. Следует отметить, что подобное посредничество часто выпадало из поля зрения исследователей, однако сами инспекторы считали эту деятельность приоритетной. Она заключалась в рассмотрении взаимных жалоб и просьб рабочих и предпринимателей. Таким образом инспекторы способствовали разрешению местных трудовых конфликтов, выполняя функции и профсоюзов, и промышленных примирительных камер, и часто арбитража. По словам самих инспекторов, посредничество «в бойких промышленных участках отнимает... едва ли не больше времени, чем все остальные дела»³⁸. Почти ежедневно в канцелярию инспектора поступали личные и коллективные жалобы («заявления о нарушении прав, установленных законами»), а также просьбы («заявления о взаимных недоразумениях такого рода, которые действующими законами не регулируются»)³⁹.

Рассмотрим в качестве примера содержание жалоб рабочих 10-го участка фабричной инспекции Московской губ., в состав которого входили Серпухов и его уезд. Под надзором инспектора здесь находилось 19 733 рабочих в 46 промышленных, преимущественно текстильных, заведений⁴⁰ (что равнялось примерно 10% от всех поднадзорных фабричной инспекции рабочих в губернии). При этом в ведении Н.Л. Грома находились подлинная жемчужина отечественной текстильной промышленности – фабрики Н.Н. Коншина, а также предприятия Рябовской мануфактуры, фабрики старообрядческой купчихи А. Мараевой, Д. Хутарева с сыновьями и братьев Каштановых. При помощи контент-анализа я обработал совокупность поданных инспектору жалоб⁴¹ с целью выявить их причины и поводы. Первое место среди них заняли жалобы на неправильный расчет (34⁴²), затем – жалобы на побои (14), на простой производства и связанные с ним, потери в зарплате (13). По 9 жалоб поступило в связи со взятками и недовольством расписанием работ, по 8 – на работу в праздники и ее оплату, а также на неточности в расчете зарплаты. Следом идут жалобы о невыплате квартирных де-

нег и с требованием немедленного расчета (по 7), жалобы в связи с нежеланием переходить на другую работу, об отказе делать чужую работу, о неправильных и несоответствующих зарплате штрафах (по 6). По 5 жалоб поступило на удерживание администрации паспортов, изменение расценок и неудобства с баней, по 4 – на кляузы, плохой куб (сосуд для питьевой кипяченой воды), обвес и неуважение в харчевой лавке, задержку зарплаты⁴³. Таким образом, жалобы затрагивали все узловые проблемы социальной микросреды рабочих.

Самой частой темой жалоб был «несправедливый расчет». Именно так чаще всего сами рабочие определяли суть своих жалоб на увольнение либо без законного двухнедельного предупредительного срока, либо на «расчет без всяких причин». По утверждению самих жалобщиков, «рабочему только и грозят расчетом, и рабочему сказать одного слова нельзя»⁴⁴. Расчет действительно становился главным средством отбора кадров при благоприятной конъюнктуре на рынке рабочей силы. При этом нельзя не признать, что, считая свои претензии к фабричной администрации законными, рабочие не делали различия между законным и справедливым. Поэтому часто подавались жалобы на несправедливость законного расчета: «С моей стороны положительно нет никакой вины и на основании нравственного закона он, Яков Яковлевич, не имеет никакого права мне делать подобное заявление (о расчете. – А.В.)», – говорилось в одной из жалоб⁴⁵. Рабочим казались справедливыми (а значит, и законными) увольнения провинившихся, остальные же, с их точки зрения, были незаконны, т.е. несправедливы. Жалобы на простой (или прогулы по вине администрации фабрики) были связаны, прежде всего, с просчетами в обеспечении сырьем. Споры же о том, что считать простым и за что следует выплачивать компенсацию, разрешались в каждом конкретном случае по-разному.

Отношения мастера с рабочим регулировались достаточно просто: «Слушая брань и угрозы мастера и видя, что он ругается неправильно, ответил ему тем же и в данный момент с словами, что "ты еще можешь со мною разговаривать", схватил меня, Воробьева, за ворот так крепко, что у меня от рубашки и блузы оторвались пуговицы и упала с головы фуражка»⁴⁶. Часто мастера просто не понимали, что с рабочими можно разговаривать как-то иначе. Так, по словам фабричного инспектора, при разборе жалобы «на мое замечание Волкову (мастеру, который был уличен в том, что бьет рабочих. – А.В.), чтобы он прекратил драку с рабочими, он мне ответил в присутствии заведующего, что он этого сделать не может и потому во избежание могущих произойти недоразумений с рабочими предл[агаю] заведующему удалит мастера [с] фабрики»⁴⁷. Побоями часто решались и «профессиональные разногласия»: «Присучальщик сказал прядильщику Павлу Архипову, что тот не умеет работать, за что его прядильщик повалил на пол и отколотил»⁴⁸.

Участие директора в жизни фабрики для рабочих часто оставалось незаметным. Они живо рисовали в жалобах портреты мастеров и их связь с директором и мало надеялись на помощь последнего («Хотя директор очень добрый и хороший, но слушает таких подлецов и по-их решает») ⁴⁹. Директор был от рабочего далеко, и мастер становился основным, точнее сказать – решающим звеном управленческой структуры фабрики. Иногда даже случалось, как, например, на фабрике Каштановых, что, несмотря на разрешение директора повторно принять рабочего на фабрику, мастер это делать отказался⁵⁰. В таких условиях обращения в фабричную администрацию казались рабочим бессмысленными. Даже жалобы инспектору часто сопровождалась приписками: «Просим вас в том, чтобы вы не показывали сего жалобного листа Кочетовым (хозяевам фабрики. – А.В.) и никому рабочим, потому что много кляузников»⁵¹. Однако, по мнению управляющих и директоров, рабочим нужно было жаловаться именно в администрацию. Так, в письме фабричному инспектору директор бумагопрядильной и ткацкой фабрики Коншина М. Лотарев сообщал: «рабочим хорошо известно, что каждая их основательная жалоба будет всегда уважена». «Я даже никогда не получал анонимных писем, – продолжает Лотарев, – что здесь очень распространено. (Хотя я никогда не придаю значения и основания анонимным письмам, но все-таки негласные дознания

провожу)»⁵². Получалось, что рабочие, с одной стороны, боялись огласки своих жалоб, а с другой – не видели никаких действий по жалобам анонимным. Позиция администрации в отношении жалоб объясняет и частые их утверждения о сговоре директора и мастеров: «Кровопивец при фабрике, который нам насолил хуже змея, он с нас драл шкуры и пил нашу кровь... Мы об этом говорили и просили, но наша просьба пропадала на дне норы и директора в кармане»⁵³. «Зделай милость уволь изних каво-нибудь»⁵⁴, – такая просьба завершает несколько жалоб на взяточничество мастеров и подмастерьев (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала).

Мастер или подмастерья в силу своего статуса могли требовать с рабочих денег. Чесальщик Тимофей Иванов с бумагопрядильной фабрики Коншина заявил под свидетельство Федора Федорова, что мастер и двое подмастерьев «требуют на водку», а «рабочий, поставленный на место Тимофея Иванова, пропил на 2 р. 50 коп. подмастерьев и заплатил 5 руб. за место»⁵⁵. И хотя жалоба была оставлена без последствий, тем не менее ситуация кажется вполне правдоподобной⁵⁶. Поборы были явлением распространенным. «Кто даст 5 рублей или 3 рубля тот и работает а у каво не хватает состояния то совсем хоть беги с фабрике»⁵⁷. «Берути Взятки нималая 1руб 2руб Засменку»⁵⁸. Назначение взяток было одно: их пропивали, причем желательно в присутствии взяткодателя. «С нас требует (староста Семен Петрович. – А.В.) водки, чтобы мы с ним шли в трактир», «получаем 60 копеек в день и потом пропивать с ним половину жалованья, что тогда от работы идти по миру с рукой под окном»⁵⁹. Можно предположить, что существовала связь между взятками и крестьянскими представлениями об оброке (в денежной или натуральной форме): «Приходица нам корову продавать а Ему навино давать а Главному Мастеру ветчины окорок ниси Масла Коровьева махотку пришло нам на фабрике разорение как Етот поступил Пашков»⁶⁰. Инспектору непросто было установить основательность подобных жалоб, и он ограничивался заключением «о необходимости сделать внушение взяточнику»⁶¹.

Жаловались рабочие не только на взятки, но и на «несправедливости со стороны мастера». Так, коншинские ткачи писали, что мастер Алексей Григорьев притесняет их «в выдаче материала», «делае выговоры, сопровождая их всевозможной бранью и вместе с этим грозил нам ткачам и подмастерьям отказать от места». «Просим об одном, – продолжали ткачи, – чтобы уволить с фабрики мастера Алексея Григорьева, так как он один, а нас много». Жалобы отражают явный рост рабочего самосознания. А большинство анонимных (а следовательно, коллективных жалоб) начинается самоопределением «мы рабочие», «мы ткачи», «от рабочего народа», «все вообще фабричные и мастеровые». Рабочие ощущают себя силой. И если просьба не будет исполнена, пишут они, то «мы принуждены будем сделать стачку, которая будет сопровождаться всевозможными разгромами, что нам крайне нежелательно»⁶². Осознание необходимости борьбы за свои права сопрягается с пониманием невыгодности стачки для обеих сторон⁶³. При этом в жалобах прямо отмечается подчиненность администрации рабочим. «Им (фабричной администрации. – А.В.) ни охота потрудиться (сделать записи в расчетной книжке. – А.В.) для того кем вы все живете, а если трудно то надо прибавить служащих в конторе, и ето надо безпрерменно приказать, чтобы фабричная администрация распорядилась ни как им [хочется] но как закон... А то они понимают об рабочем человеке как об собаке, а то хуже, а не будь нас рабочих тогда делать нечего вот и все (выделено мной. – А.В.)»⁶⁴.

Достаточно четко представляли рабочие и последовательность протестных действий. Проборщики с «Новой Мызы» Коншина в жалобе на задержку платежей просят фабричного инспектора сделать распоряжение, «иначе мы должны будем обращаться выше по начальству или же в случае не обращения с стороны начальства внимания мы должны будем прекратить работу свою»⁶⁵. В такой последовательности готовы действовать многие жалобщики. Рабочие, решившие (точнее, решившиеся) жаловаться, были настойчивы⁶⁶. Например, обращаясь с жалобой на снижение расценок под Пасху, коншинские рабочие предупреждали: «не откладывайте наше прошение в долгий

ящик, если отложите, то мы на последние трудовые копейки дадим законный ход за нашу невыносимую обиду найдется добросовестный начальник»⁶⁷.

Но часто дело состояло не в недобросовестности инспектора, а в невозможности доказать или наказать обидчиков рабочих в рамках закона. Правда, помимо внушений инспектор мог и потребовать «немедленно исправить» ситуацию (скажем, несоответствие в расписании работ⁶⁸), и даже пригрозить привлечением к закону за лишние поборы с рабочих (например, за покупку бланка расчетной книжки)⁶⁹. Иногда было достаточно одного его письма с расспросами по предмету жалобы. Распоряжения же инспектора выполнялись, даже если они не нравились управляющим. Так описывает ситуацию управляющий Троицкой суконной фабрики: «Распоряжения Ваши – оставить Парфенова и его жену в фабричных спальнях – исполнено, но считаю нужным добавить, что его присутствие на фабрике в связи с распространяемыми угрозами по ответственности перед Фабричной инспекцией за увольнения Парфенова, крайне вредно влияет на настроение рабочих»⁷⁰. Подозрение в увольнении за жалобу заставляло заведующих оправдываться. «Титов Вам объяснил неправду, – пишет заведующий фабрикой А. Хутарев, – что он уволен по его словам будто бы за то, что приносил Вам жалобу, мне по сие время неизвестно, была ли жалоба и кто жаловался, и Вы по этому поводу мне никогда не говорили»⁷¹.

Среди бытовых жалоб рабочих выделяются жалобы на отсутствие бани и плохое функционирование куба: «куб моют редко – противно пить»⁷². И не просто противно – «куб очень дурной какой-то железный ящик служит для артельных кухонь и для всего народу один, так что не поспевают кипеть, большую часть пьем некипяченой (самовары в казармах ставить запрещали. – А.В.), от что и страдаем животами»⁷³. Отсутствие бани также отрицательно сказывалось на здоровье. «Работа грязная, так как от шерсти часто бывает болезнь, а нам вымыться негде, так что даже и умыться нечем, и нигде нет воды, кроме колодца который находится на дворе, даже туда ходим умываться зимой и летом»⁷⁴. При этом даже наличие бани часто не решает проблемы, так как «мыться дозволено мужчинам в обед, а женщинам по окончании работ вечером и хозяйского освещения в бане не полагается», а «ста человекам в течение часа пообедать и вымыться буквально невозможно»⁷⁵.

Нередки и обиды на лавочника, что «небрежно отпускает товар»⁷⁶, что «обвешивает и беспричинно ругается»⁷⁷, что «товар недоброкачественный» и «ждешь часа три». Долгое ожидание в очереди за продуктами приводило к штрафам, так как «приходится неспамши работать ночь восемь часов без смены а там пишут Штраф за дремоту (50 коп.)»⁷⁸. Не менее примечательна еще одна составляющая повседневности рабочих, следствие лавочных покупок – помои. Рабочие фабрики братьев Каштановых писали: «Помоями и что остается от артели пользуется хозяин фабрики и берут их свиньям, которые находятся при фабричном дворе, да еще собакам, которые находятся на другом дворе»⁷⁹. В решении инспектора по этой жалобе, помимо прочего, говорится, что «помоями хозяева пользоваться не будут»⁸⁰. 4 месяца спустя в повторной жалобе рабочие заявляют, что «вами (фабричным инспектором. – А.В.) отменена кормить хозяйских свиней от артели помоями». Однако «хозяин свиней продал, но помои, оставшиеся от артели на сторону не велит продавать, за которые могли бы мы получить не менее 10 рублей, а хозяин велит выливать в помойную яму, а из них велит отобрать несколько ведер для его гончих собак, которые находятся на отдельном дворе, 11 собак»⁸¹. Такое отношение к помоям можно объяснить не только потерей дополнительного дохода, но и нарушением традиции. Дело в том, что среди рабочих был распространен обычай «пропоя помоев», устраивавшегося дважды в год и представлявшего собой «фабричный вариант традиционных крестьянских "бабских праздников"»⁸².

По результатам рассмотрения жалоб все поводы разделялись инспекторами на основательные и неосновательные. Статистика результатов рассмотрения жалоб велась на протяжении всего периода их регистрирования, однако полностью положиться на данные за период 1905–1910 гг., когда учитывались точные показатели конкретных мер по жалобам, а не уклончивые фразы «удовлетворена полностью или час-

тично». В среднем, по данным «Сводов отчетов фабричных инспекторов», обоснованными признавались около 70% поводов жалоб рабочих. В целом, деятельность инспекторов по реагированию на жалобы можно считать действенным способом не только разрешения конфликтов, но и улучшения жизни рабочих. Даже скромные результаты приводили к реакции со стороны рабочих соседних фабрик, все реже соглашавшихся мириться с несправедливостью⁸³.

Личный состав фабричной инспекции

Начало формированию инспекторского корпуса было положено 27 июня 1882 г. в час дня в ресторане Промышленной выставки в Москве. По письменной договоренности в этом месте встречались Е.Н. Андреев и И.И. Янжул. Предметом обсуждения было предложение Янжулу стать фабричным инспектором в Московском округе, объединившем Московскую, Тверскую, Смоленскую, Тульскую, Рязанскую и Калужскую губернии. На этой же встрече Янжул предложил на должность второго фабричного инспектора кандидатуру П.А. Пескова, известного своими санитарными исследованиями во Владимирской и Московской губерниях⁸⁴.

Вскоре Андреев, видный технолог и создатель целой сети школ для мастеровых, был назначен первым главным фабричным инспектором в России⁸⁵. Янжул, взвесив все доводы pro и contra, также дал принципиальное согласие работать в инспекторате⁸⁶. К тому времени он уже пользовался большой известностью. Экономисты знали его «Исследование о косвенных налогах» и 2 тома «Английской свободной торговли», промышленники – его участие в инициированной московским генерал-губернатором кн. В.А. Долгоруковым «Саблинской» комиссии для осмотра фабрик и заводов. Помимо прочего, в первом выпуске «Трудов» этой комиссии Янжул опубликовал перевод английских фабричных законов с пояснениями, исследование об инспекторате в Швейцарии и Англии и об ответственности хозяев за несчастные случаи⁸⁷. Характерно, что на первой же встрече с ним министр финансов Н.Х. Бунге отметил: «Мне хорошо известны все Ваши труды по рабочему вопросу, и мы должны просить Вашего извинения, что... Вас несколько обобрали по этому предмету»⁸⁸. По мнению Бунге, всегда чрезвычайно важен «в каждом новом учреждении первый состав служащих, который, так сказать, служит прецедентом и образцом для будущего»⁸⁹. И надо сказать, что «первый призыв» фабричных инспекторов вышел поистине образцовым, хотя и немногочисленным.

30 августа 1882 г. Янжул был утвержден в должности инспектора над занятиями малолетних Московского округа, а 7 ноября того же года фабричным инспектором Владимирского округа стал Песков⁹⁰, который к тому времени уже выпустил несколько санитарных исследований и был знаком с владимирской промышленностью не понаслышке. Кроме Андреева, Янжула и Пескова, поначалу к работе фабричной инспекции никого привлечь не удалось⁹¹. Тем не менее фабричная инспекция приступила к работе, начав со сбора и обработки сведений о фабриках и заводах Московской и Владимирской губерний, что вполне соответствовало личным интересам инспекторов. Андреев специально просил инспекторов фиксировать все стороны фабричного быта (особенно его волновало соотношение заработков и расходов фабричных рабочих)⁹². Таким образом, именно благодаря первым инспекторам центральная власть, знавшая до тех пор лишь именитых промышленников, познакомилась и с фабричным производством, и с фабрично-заводскими рабочими⁹³.

В первые же дни инспекторы столкнулись с совершенно неожиданным затруднением: оказалось, что прежде, чем исследовать быт рабочих какой-либо фабрики, необходимо ее разыскать. Янжул вспоминал, что опирался на различные данные – «Атлас Маттисена, «Указатель» Орлова, карты Генерального штаба, сведения для Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. и даже список фабрик, составленный по распоряжению московского обер-полицмейстера. Но все эти данные оказались весьма неполными⁹⁴. Фабрик оказалось больше, да и численность рабочих сильно

отличалась от существовавших данных. Другим препятствием стало то, что управляющие и хозяева просто ничего не знали о новом законе. Песков вспоминал: «Первоначально, особенно на мелких фабриках, возникали нередко недоразумения относительно моего звания; одни из владельцев или управляющих принимали меня за судебного следователя, другие – за губернского техника, третьи – за кого-нибудь из служащих при земстве. Вообще, в начале мне нужно было употребить немало времени на то, чтобы разъяснить фабричной администрации содержание закона 1-го июня, настоящее мое назначение и цель моего посещения. Но и после долгих иногда бесед об этом мне приходилось убеждаться в смутном все-таки понимании со стороны собеседника того, что ему мною разъяснялось»⁹⁵.

Между тем, уже в апреле 1883 г. Андреев был вынужден уйти в отставку, так как министр финансов был не удовлетворен его деятельностью. Эта отставка привела в инспекцию Я.Т. Михайловского – известного публициста и педагога⁹⁶, прослужившего в должности главного инспектора инспекции вплоть до ее отмены в 1894 г. Михайловский опубликовал первый годовой сводный отчет инспекторов, активно участвовал вместе со своими подчиненными в осмотрах фабрик.

Первый опыт работы инспектората получил отражение в новом для России издании – отчетах фабричных инспекторов, основанных не на косвенных данных, а на личных наблюдениях. Две книги – «Фабричный быт Московской губернии» Янжула и «Фабричный быт Владимирской губернии» Пескова – вышли в свет в Санкт-Петербурге в 1884 г. и вызвали общественный интерес и отклик в печати. Так, например, К.К. Арсеньев высказал мнение, что «если выбор лица для заведования Московским фабричным округом – не счастливая случайность, а плод обдуманной системы и если развитие этой системы ничем не будет ни остановлено, ни извращено, то успех нового закона можно считать обеспеченным»⁹⁷. За честное изображение положения русской промышленности Янжулу присудили золотую медаль Императорского географического общества. Однако сама система надзора складывалась достаточно медленно: ни «Правила для фабрикантов», ни «Инструкция для фабричных инспекторов» еще не были готовы, и Янжул даже вспоминал о конфиденциальном предложении Михайловского временно прекратить осмотр фабрик, чтобы не выглядеть смешно и не разводить беспомощно руками⁹⁸. Пока же в случае отказа фабричной администрации следовать указаниям инспектора Янжулу приходилось как бы между прочим говорить, что он расскажет о положении дел на предприятии кн. Долгорукову или генералу А.А. Козлову⁹⁹. Обычно этого оказывалось достаточно, чтобы отношение к инспектору сразу заметно менялось.

26 февраля 1885 г. были, наконец, обнародованы «Инструкция чинам фабричной инспекции по надзору за исполнением постановлений о малолетних, работающих на заводах, фабриках, мануфактурах» и «Правила для фабрикантов», составленные с учетом законов 1884 г.¹⁰⁰ Территория действия инспекции и ее состав расширились. Фабричный инспекторат был представлен теперь следующими лицами: в Московском округе остался на своем месте Янжул, во Владимирском – Песков, в Санкт-Петербургском инспектором стал К.В. Давыдов, в Харьковском – В. В. Святловский, в Киевском – И.О. Новицкий, в Казанском – А.В. Шидловский, в Воронежском – С.И. Миропольский, в Виленском – Г.И. Городков и в Варшавском – К.А. Блюменфельд. Была введена должность помощника фабричного инспектора, что позволило более четко распределить обязанности и разделить территорию надзора. Так, например, Янжул разделил Московский округ со своим помощником доктором Д.М. Рахмановым: первому достались Московская и Тверская губернии, второму – Смоленская, Тульская, Рязанская и Калужская¹⁰¹.

В 1885 г. работа инспекторов пошла более активно, что отразилось в новых «Отчетах»¹⁰², а также первом их сводном издании. В «Отчете» главного фабричного инспектора Михайловского отмечались большие трудности в формировании первого состава инспекторов из-за отсутствия специальных учебных заведений, которые бы готовили этих специалистов, и малочисленности земских врачей, больше всего подходивших для

такой работы. Фабричный инспектор, по мнению Михайловского, должен был обладать знаниями врача, технолога и педагога, или хотя бы двух из этих профессий, соответствующими нравственными качествами, высшим образованием, житейским опытом и знанием промышленного быта. Ему нужно было проникнуться идеей закона и проводить его в жизнь с осторожностью, тактом и беспристрастием, не забывая об интересах целого миллиона фабричного населения. «Подобно солдату, – считал Михайловский, – фабричный инспектор не может руководствоваться личными своими удобствами при выборе погоды, средств передвижения, путей сообщения, места ночлега, а иногда и самого заведения, которое он хотел бы посетить: все это, можно сказать, находится вне его воли и обуславливается обстоятельствами, часто от него совсем не зависящими»¹⁰³.

Если биографии и труды представителей «первого призыва» фабричных инспекторов хорошо известны, то последующий состав инспекции оставался вне поля зрения исследователей. «Вторым призывом» можно считать реформу 1894 г., когда личный состав инспектората вырос более чем вдвое. В первое десятилетие XX в. число участковых фабричных инспекторов постоянно увеличивалось. Надзор инспекции распространялся на новые территории, а с развитием промышленности участки приходилось дробить, чтобы не потерять возможности проведения на каждом предприятии хотя бы одной ежегодной ревизии. Согласно данным «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1900–1914 гг., число участковых инспекторов было ежегодно чуть меньше необходимого. Надзор за пустующими участками брал на себя старший фабричный инспектор.

В 1905 г. надзор фабричной инспекции распространялся на 231 участок в 64 губерниях, объединенных в 6 округов. Всего в инспекции служило 226 участковых инспекторов¹⁰⁴, 8 из которых находились в течение этого года на военной службе. Наиболее заметными фигурами были, конечно, окружные инспектора – И.А. Федоров, И.И. Гончаров, Н.Л. Тихомиров, А.А. Микулин, Р.Н. Рума, Л.Г. Гнедич. В это время в инспекции служили и также известные деятели как А.К. Клепиков, И.М. Козьминых-Ланин и В.П. Литвинов-Фалинский. По образованию инспекторы были преимущественно инженерами-техниками (186 человек), инженерами-механиками (32) и техниками (28). Среди фабричных инспекторов были врачи (5), горные (3) и военные инженеры (2), доктор медицины, кандидат инженерно-технических наук, кандидат физико-математического факультета, кандидат естественных наук, кандидат математических наук, инженер-химик, корабельный инженер, механик-строитель, выпускник Михайловской артиллерийской академии и ученик инженера-техника. В инспекторате служило 2 действительных статских, 24 статских, 27 коллежских, 36 надворных советников, 71 коллежский ассessor, 66 титулярных советников, 31 коллежский секретарь, 4 губернских секретаря и 1 коллежский регистратор.

Среди инспекторов начала XX в. можно выделить поистине замечательных людей, оставивших о себе добрую память. Инженер-механик Александр Александрович Микулин сделал в инспекции блестящую карьеру. Выпускник Московского технического училища пережил все перипетии реформирования инспекции и прошел путь от помощника инспектора во Владимирской губ. (1886) сначала до старшего фабричного инспектора Одесской губ., а затем и до окружного инспектора в Киеве. Микулин активно участвовал в общественной жизни, преподавал в Киевском Политехническом институте, где обсуждал со студентами актуальные вопросы фабричного законодательства. Сохранился даже сборник рефератов его учеников под названием «Рабочий вопрос и пути к его решению» со словами Микулина о том, что рабочий вопрос «в последние годы едва ли не первенствует среди других мировых задач, за решение которых, с большим или меньшим успехом, берется пытливый ум мыслящего человека»¹⁰⁵. Действительный статский советник Микулин стал и историографом инспекции: его первая книга «Очерки из истории применения закона 3-го июня 1886 г. на фабриках и заводах Владимирской губернии» вышла в свет сразу вслед за введением нового фабричного закона, а книга «Фабричная инспекция в России» и рукопись 1907 г. «Юбилейный сборник. Двадцатилетие учреждения фабричной инспекции в России»¹⁰⁶ содержат сведения

по истории инспекции из различных источников, в том числе не дошедших до наших дней.

Владимир Петрович Литвинов-Фалинский тоже хорошо известен в истории российского рабочего законодательства и фабричной инспекции. По окончании Петербургского технологического института он был участковым фабричным инспектором и одновременно преподавал, писал статьи, редактировал технико-промышленный отдел Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. В 1905–1915 гг. он управлял отделом промышленности Министерства торговли и промышленности. Его трудами был принят закон 1912 г. о страховании рабочих. Как представитель правительства Литвинов-Фалинский выступал по этим вопросам в Государственной думе. Его труды о российской промышленности, страховании и сберегательных кассах до сих пор вызывают живой интерес ученых, а лекционный курс «Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России» (СПб., 1900; Изд. 2, 1904) и сегодня остается классическим источником по истории права.

Александр Николаевич Быков в 1883 г. окончил курс в Петербургском технологическом институте, после чего служил в фабричной инспекции сначала в Туле, затем в Москве, Смоленской губ., Харькове и Риге, а с 1906 г. состоял при отделе промышленности Министерства торговли и промышленности. С 1892 г. он помещал в «Русских ведомостях» и других изданиях (часто за подписью Ф. Павлов) очерки, посвященные рабочему быту и фабричному законодательству, получив благодаря этому широкую известность. Часть очерков Быкова по острым экономическим проблемам даже вышла отдельным изданием¹⁰⁷. С 1908 г. он читал в Петербургском политехническом институте и других учебных заведениях лекции по фабричному законодательству (опубликованные также отдельной книгой под названием «Фабричное законодательство и развитие его в России» (СПб., 1909)). Быков был товарищем председателя постоянной комиссии по техническому образованию при Императорском русском техническом обществе и фактическим редактором издаваемого комиссией журнала «Техническое и коммерческое образование».

Евстафий Михайлович Дементьев, автор знаменитой книги «Фабрика: что она населению дает и что у него берет?», служил в инспекторате фабричным ревизором. Медик по образованию, во время русско-турецкой войны он был прикомандирован к Красному Кресту, опубликовав позже о его деятельности во время войны отдельное сочинение¹⁰⁸. В 1880-х гг. Дементьев изучал санитарные условия быта рабочих на фабриках и промыслах, организовывал там врачебную помощь. По поручению московского земства он окончил работы по санитарно-статистическому исследованию фабрик губернии, начатые профессором Эрисманом. В 1894 г. Дементьев поступил на службу фабричным ревизором и с тех пор принимал непосредственное и деятельное участие в разработке фабричного законодательства и работе фабричной инспекции.

Василий Егорович Варзар, технолог по образованию, в 1870-х гг. занимал должность статистика при Черниговской губернской земской управе. Разработанный им способ группировки данных о землях по определенным межевыми границами дачам стал называться «черниговским типом» земских статистических работ. Затем Варзар служил мировым судьей и председателем уездной земской управы, а с 1890 г. из-за размолвки с губернатором А. К. Анастасьевым был отстранен от всех должностей и вынужден искать работу в Петербурге. Но и тут, несмотря на согласие Витте, Департамент полиции отказал ему в утверждении на место фабричного инспектора в Риге. Варзара спасло личное знакомство с И.Н. Дурново, который также был родом из Черниговской губ. Дело «в палец толщиной» о неблагонадежности было сдано в архив¹⁰⁹. Позже он получил должность фабричного ревизора и в этом качестве создал образцовые статистические издания, посвященные выступлениям промышленных рабочих за 1895–1904, 1905 и 1906–1908 гг. После Октябрьской революции Варзар работал в ВСНХ и ЦСУ, где подготовил фундаментальное исследование по отечественной и зарубежной статистике «Очерки основ промышленной статистики».

С именами Дементьева и Варзара во многом связано и издание неповторимого статистического ежегодника, обобщавшего губернские и окружные данные фабричной инспекции по многочисленным параметрам промышленного развития — «Свод отчетов фабричных инспекторов» (СПб., 1902—1915). И до сих пор, несмотря на некоторые неточности, «Своды» являются первоклассным статистическим источником, отражающим динамику развития российской промышленности. Фабричная инспекция привлекала в свой состав достаточно ярких личностей, которые ответственно относились к порученному им делу, делая при этом вполне успешную чиновничью карьеру.

Подводя итоги, можно заключить, что институт фабричной инспекции прошел в своем развитии довольно сложный путь. С использованием опыта зарубежных стран, в России был создан уникальный по функциям и территориальному охвату инспекторат, сыгравший существенную роль в истории отечественной промышленности и рабочего вопроса. Несмотря на межведомственную борьбу и давление местных властей, фабричный инспектор смог утвердиться как важный элемент государственной власти. Именно благодаря инспекторам, которые постепенно и настойчиво внедряли законность на больших и маленьких фабриках, нормы закона не остались мертвой буквой, а оказались полезным инструментом в налаживании отношений между трудом и капиталом, хотя можно уверенно говорить о постоянном отставании законодательных мер от требований жизни. И если иногда это отставание удавалось преодолеть за счет рвения исполнителей, то в другие исторические моменты даже самые активные действия инспекторов оказывались безрезультатными (примером чего может служить ситуация 1905—1907 гг.).

В сравнении со многими европейскими прототипами и образцами отечественная фабричная инспекция оказалась исключительно динамичной и успешной как с точки зрения успехов в деле надзора за предприятиями (в сравнении с Австрией), так и с точки зрения темпов роста самого института (в сравнении с Францией). Важным и до сих пор малоизвестным аспектом деятельности инспекторов следует назвать их посредническую деятельность в урегулировании конфликтов рабочих и предпринимателей. Такое посредничество занимало до половины рабочего времени инспекторов. При этом жалобы и просьбы рабочих, сохранившиеся в местных архивах, еще ждут своего внимательного исследования. Перспективным представляется и изучение роли фабричной инспекции в индустриализации страны.

Если попытаться ответить на главный вопрос: кому оказалась полезна фабричная инспекция, то следует сказать, что она смогла помочь и рабочим (посредничеством и контролем за законодательством), и предпринимателям (технической поддержкой), и государству (сбором информации о промышленном развитии и укреплении правопорядка на фабриках и заводах), хотя все это до сих пор во многом оставалось незамеченным в нашей историографии.

Примечания

¹ Я н ж ул И.И. Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882—1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884; П е с к о в П.А. Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882—1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884; [М и х а й л о в с к и й Я.Т.] О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора. СПб., 1886.

² Б е з о б р а з о в В.П. Наблюдения и сробращения В.П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб., 1888.

³ Б ы к о в А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909; П а в л о в Ф. За 10 лет практики фабричного инспектора. Б/м, 1901; Г в о з д е в С. Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.). М., 1911; Л и т в и н о в - Ф а л и н с к и й В. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900; М и к у л и н А.А. Фабричная инспекция в России. 1882—1906. Киев, 1906; С в я т л о в с к и й В.В. Фабричный рабочий. Варшава, 1888; [Я н ж ул И.И.] Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1907.

⁴ Б а л и ц к и й Г. Какая должна быть фабричная инспекция. СПб., 1907; Л е н и н В.И. ПСС. Т. 2; Л у н ц М.Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. Сб. ст. М., 1909.

- ⁵ Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1885–1904). Львов, 1964.
- ⁶ Каплун С.И. Охрана труда и ее органы. Изд. 2. М., 1922.
- ⁷ Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX в.) М., 1947; его же. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952.
- ⁸ Лаврычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917). М., 1972.
- ⁹ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
- ¹⁰ Walkin J. The Attitude of the Tsarist Government Toward the Labour Problem // American Slavic and East European Review. 1954. April. Vol. 13. № 2. P. 163–184; Lauert H., von. Factory Inspection under the «Witte System»: 1892–1903 // American Slavic and East European Review. 1960. October. Vol. 19. № 3. P. 347–362; idem. Tsarist Labour Policy // The Journal of Modern History. 1962. June. Vol. 34. № 2. P. 135–145; Giffin F.C. The Formative Years of the Russian Factory Inspectorate, 1882–1885 // Slavic Review. 1966. December. Vol. 25. № 4. P. 641–650; Puttkamer J. von Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905 (regierung und unternehmenschaft beim ausgleich ihrer interessen in einer vorkonstitutionellen ordnung). Koln, 1996.
- ¹¹ Подробнее о «новой рабочей истории» и ее роли в международной историографии см.: Macraill D.M., Taylor A. Social Theory and Social History. L., 2004.
- ¹² Постановление СНК РСФСР «Об учреждении инспекции труда» от 18 мая 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. Пг.; М., 1918, № 36, отд. I, ст. 474.
- ¹³ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 78.
- ¹⁴ Обинский П.Н. Новый закон об организации фабричного надзора // Юридический вестник. 1887. Кн. 1. С. 115.
- ¹⁵ Ср. с фабричными реформами в Великобритании в 1830-е гг. и с «эрой рабочего законодательства», начало которой О. Бисмарк провозгласил в 1881 г. в Германии. При участии Т. Ломана Бисмарк содействовал разработке и принятию целого ряда законов: о страховании от болезни (1883), от несчастных случаев (1884), по старости и инвалидности (1889).
- ¹⁶ Устанавливалось ограничение возраста малолетних, допускаемых к работе, 12 годами, предельная продолжительность рабочего времени составляла 8 часов для рабочих от 12 до 15 лет. Вместе с тем им запрещалась ночная работа с 9 часов вечера до 5 часов утра и в праздничные дни, а также во вредных производствах.
- ¹⁷ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 390–391.
- ¹⁸ Каплун С. И. Охрана труда и ее органы. М., 1922. С. 30.
- ¹⁹ РГИА, ф. Департамента государственной экономики, 1886 г., д. 21 1, л. 98.
- ²⁰ ПСЗ-III. Т. VI. № 3769.
- ²¹ Микулин А. А. Указ. соч. С. 11.
- ²² Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. С. 100.
- ²³ Каплун С.И. Указ. соч. С. 53.
- ²⁴ Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. II. М., 1926. С. 290.
- ²⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания в двух томах. Т. I. СПб, 2003. С. 622.
- ²⁶ К Санкт-Петербургской, Московской и Владимирской губерниям, а также к Варшавской и Петраковской, куда «Правила о надзоре» распространились в 1891 г., прибавились Вольнская, Гродненская, Киевская, Костромская, Лифляндская, Нижегородская, Подольская, Рязанская, Тверская, Харьковская, Херсонская, Эстляндская и Ярославская.
- ²⁷ Микулин А.А. Указ.соч. С. 153–154.
- ²⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 163 (1903), д. 5, ч. 9.
- ²⁹ Высочайшее повеление называлось «О порядке и пределах подчинения чинов фабричной инспекции начальникам губерний и о некоторых изменениях во внутренней организации ее». См. подробнее: Микулин А.А. Указ.соч. С. 159–161.
- ³⁰ Там же. С. 161.
- ³¹ Кокорцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992.
- ³² ГА РФ, ф. 102, оп. 1905, д. 17, ч. 3, л. 12–20.
- ³³ Сборник узаконений и правительственных распоряжений по фабричной инспекции. Вып. I–II. СПб., 1898. С. 35–38.
- ³⁴ Там же. С. 72.
- ³⁵ [Михайловский Я.Т.] О деятельности фабричной инспекции. С. 27.
- ³⁶ Микулин А.А. Очерки из истории применения закона 3-го июня 1886 г. на фабриках и заводах Владимирской губернии. Владимир, 1893. С. 53–56.
- ³⁷ Михайловский Я.Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 283.
- ³⁸ Клепиков А.К. (Гвоздев С.) Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М., 1911. С. 228.
- ³⁹ Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. С. 201.
- ⁴⁰ ЦИАМ, ф. 2005, оп. 1, д. 8, л. 20–21.
- ⁴¹ В нашем распоряжении имеется комплекс из 137 жалоб, относящихся к апрелю 1896 – ноябрю 1897 г. (80 жалоб) и январю–декабрю 1900 г. (57). Многие из них написаны нетвердой рукой рабочего, часто, види-

мо, в том помещении, но чаще всего переписаны (может быть, грамотным человеком). Некоторые прошения написаны писарским почерком. Некоторые жалобы записаны в канцелярии инспектора, иногда инспектором собственноручно.

⁴² Т.е. в 34 жалобах рабочих говорилось о неправильном расчете, однако, каждая из этих жалоб могла содержать и другие поводы жалоб.

⁴³ Для выявления поводов жалоб использовались жалобные письма рабочих, жалобы, записанные фабричным инспектором, и жалобы на бланках. Жалобы, содержание которых возможно выявить лишь по сопутствующим документам (полицейским и врачебным), не учитывались.

⁴⁴ ЦИАМ, ф. 2005, оп. 1, д. 25, л. 167.

⁴⁵ Там же, л. 163.

⁴⁶ Там же, л. 132.

⁴⁷ Там же, л. 72.

⁴⁸ Там же, д. 7, л. 52. И хотя это дело, судя по записи инспектора, решили миром, присучальщики часто оставались битыми (См. напр.: там же, л. 47).

⁴⁹ Там же, л. 18 об.

⁵⁰ Там же, д. 25, л. 107.

⁵¹ Там же, л. 170.

⁵² Там же, л. 120.

⁵³ Там же, л. 18.

⁵⁴ Там же, л. 144.

⁵⁵ Там же, л. 109.

⁵⁶ Так называемые «спрыски», «магарычи», «опивание учеников» в этот период были широко распространенными обычаями на фабриках. Подробнее см.: П о л и щ у к Н.С. Обычай и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций (1861 – февраль 1917 г.). СПб., 1997. С. 116–118.

⁵⁷ ЦИАМ, ф. 2005, оп. 1, д. 25, л. 44–45.

⁵⁸ Там же, л. 78.

⁵⁹ Там же, д. 7, л. 99–99 об.

⁶⁰ Там же, л. 9.

⁶¹ Там же, д. 25, л. 99 об.

⁶² Там же, д. 7, л. 57.

⁶³ Подобные заявления поступали и от рабочих других фабрик. В прошении «от фабричных ткачей» А.В. Мараевой говорилось: «Если вы не обратите внимание на это письмо, то тогда Мы можем остановить фабрику сделать забастовку тогда вы будите пригонять претензию на нас» (Там же, л. 7).

⁶⁴ Там же, д. 25, л. 66.

⁶⁵ Там же, л. 142.

⁶⁶ Некоторые обращались многократно: «Теперь мы посылаем вам четвертое письмо потрудитесь приехать прекратить это все, а если не прекратите, то мы выше отнесем на этот беспорядок» (Там же, д. 7, л. 32).

⁶⁷ Там же, л. 16 об. Похоже писали и со «Старого двора» Коншинных: «а то мы потребуем московского инспектора сюда [чтобы приехал]» (Там же, л. 38а).

⁶⁸ Там же, д. 25, л. 101.

⁶⁹ Там же, л. 97.

⁷⁰ Там же, л. 28.

⁷¹ Там же, л. 102.

⁷² Там же, д. 7, л. 54.

⁷³ Там же, д. 25, л. 118.

⁷⁴ Там же, л. 84 об.

⁷⁵ Там же, д. 7, л. 37.

⁷⁶ Там же, л. 14.

⁷⁷ Там же, л. 49.

⁷⁸ Там же, д. 25, л. 70 об.

⁷⁹ Там же, л. 84.

⁸⁰ Там же, л. 85.

⁸¹ Там же, л. 118.

⁸² П о л и щ у к Н.С. Обычай и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 121.

⁸³ Во многих жалобах встречаются ссылки на ожидания перемен, так как они уже где-то произошли, или же просьба сделать «как это заведено на других фабриках» (ЦИАМ, ф. 2005, оп. 1, д. 7, л. 37).

⁸⁴ См.: Я н ж у л И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 24–25.

⁸⁵ Об этом он сообщал Янжулу письмом. (См. подробнее: там же. С. 27–28.)

⁸⁶ Там же. С. 27.

⁸⁷ См.: Труды комиссии, учрежденной московским генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Англия. Б/м, б/г.

⁸⁸ Я н ж у л И.И. Из воспоминаний и переписки... С. 28.

- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Я н ж у л И.И. Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884. С. I. П е с к о в П.А. Фабричный быт Владимирской губернии. СПб., 1884. С. I.
- ⁹¹ Я н ж у л И.И. Из воспоминаний и переписки... С. 31.
- ⁹² Я н ж у л И.И. Фабричный быт... С. I–II.
- ⁹³ Указание на центральную власть в лице Министерства финансов важно в силу того, что хотя местные власти следили за своей промышленностью (преимущественно, конечно, крупной), общего и, главное, точного представления о промышленном производстве сложиться еще не могло. Особый интерес вызывали случаи забастовок или данные разрозненных санитарных обследований, основания же для планомерного и систематического учета в это время только закладывались.
- ⁹⁴ Я н ж у л И.И. Фабричный быт... С. X.
- ⁹⁵ П е с к о в П.А. Указ. соч. С. VI. Со сложным затруднением столкнулся и Янжул, указывавший на «полнейшее незнание со стороны большинства фабрикантов, особенно вне Москвы, не только о моем назначении и должностях и моих будущих и настоящих обязанностях, но даже о самом законе 1-го июня 1882 года о работе малолетних» (см.: Я н ж у л И.И. Фабричный быт... С. XVI).
- ⁹⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX (38). С. 493–494.
- ⁹⁷ А р с е н ь е в К.К. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. Ноябрь.
- ⁹⁸ Я н ж у л И.И. Из воспоминаний... С. 51.
- ⁹⁹ Там же. С. 41.
- ¹⁰⁰ Помимо закона от 12 июня 1884 г., имеются в виду распоряжение от 1 июня «О заводах, фабриках и мануфактурах, в отношении которых допускаются отступления от правил о работе малолетних, и о производствах и операциях, при которых безусловно воспрещается работа малолетних» и закон от 5 июня «О взысканиях за нарушение постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, и ремесленных заведениях».
- ¹⁰¹ Я н ж у л И.И. Из воспоминаний... С. 65.
- ¹⁰² К числу примеров, свидетельствующих о внимании журналистов к отчетам фабричных инспекторов, можно отнести статью А. Мануйлова «Очерк нашего фабричного быта (На основании отчетов фабричных инспекторов за 1885 г.)» (Юридический вестник. 1887. Т. XXIV. Кн. 3).
- ¹⁰³ [М и х а й л о в с к и й Я.Т.] О деятельности фабричной инспекции. С. 1–2, 23–24.
- ¹⁰⁴ Данные приводятся на основании базы данных «Российские фабричные инспектора», включающей погодные сведения о каждом фабричном инспекторе за период с 1901 по 1914 гг., а также общие биографические данные, выявленные по данным местных архивов (см. подробнее: В о л о д и н А.Ю. Российские фабричные инспекторы: опыт просопографической базы данных // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 34. М.; Тамбов, 2006. С. 168–170.) Всего в инспекторате в 1905 г. служило 268 инспекторов, включая старших и окружных, которые не несли обязательств надзора за отдельным участком.
- ¹⁰⁵ М и к у л и н А.А. Рабочий вопрос и пути к его решению. Киев, 1907. С. 3.
- ¹⁰⁶ РГИА, ф. 23, оп. 20, д. 82, л. 1–151.
- ¹⁰⁷ Б ы к о в А.Н. Среди черноземных поцей. М., 1901.
- ¹⁰⁸ Д е м е н ь т ь е в Е.М. Красный Крест в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. Т. 1–2. СПб, 1880–1882.
- ¹⁰⁹ В а р з а р В. Воспоминания старого статистика. Ростов-н/Д, 1924. С. 12–14.

© 2007 г. Е.Г. КОСТРИКОВА*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИИ И РЕФОРМИРОВАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Настоящая статья посвящена одному из аспектов малоисследованной проблемы «Государственная дума и внешняя политика России», в изучении которой вопрос о роли Думы в подготовке реформирования МИД (1907–1914 гг.) занимает более чем скромное место¹. Как известно, внешняя политика была той областью жизни государства, которая дольше всего оставалась закрытой для общества. По законам Российской империи она была изъята из ведения Государственной думы. Ст. 12 Основных законов гласила: «Государь император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами. Им же определяется и направле-

* Кострикова Елена Гавриловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.